

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

Soul Music

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Роковая музыка

Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett
SOUL MUSIC

SOUL MUSIC © Terry & Lyn Pratchett 1994
First published by Victor Gollancz Ltd, London

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Перевод с английского *В. Сергеевой*
под редакцией *И. Куралесиной*

Пратчетт, Терри.

П70 Роковая музыка / Терри Пратчетт ; [перевод с английского В. Сергеевой, под редакцией И. Куралесиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-04-206545-3

Юная Сьюзен учится в колледже для молодых девиц. И пока обычным детям дарят ксилофоны, Сьюзен может просто попросить дедушку снять мантию.

Трудно расти нормальной, когда твой дед не расстаётся с косой и разъезжает на бледном коне. Особенно когда тебе приходится срочно осваиваться в семейном бизнесе, потому что дед решил на время отойти от дел. Особенно когда Плоский мир захватывает новая музыка... Музыка, в Которой Звучит Рок.

Она рушит правила и попирает законы. Она меняет людей. У неё есть ритм, под неё можно танцевать, но она живая. И для неё «живи быстро, умри молодым» — не лозунг, а руководство к действию...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-206545-3

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ИСТОРИЯ

Это история про память.
И вот что, помнится, было:

... что однажды Смерть Плоского мира, по каким-то своим соображениям, спас крошечную девочку и забрал её в своё жилище между мирами. Он дорастил её до шестнадцати лет, поскольку полагал, что с подростками проще иметь дело, чем с маленькими детьми, и это доказывает, что можно быть бессмертным антропоморфным олицетворением и тем не менее фатально ошибаться...

... что позже он взял ученика по имени Мортимер (если коротко — Мор). Мор и Изабель сразу же невзлюбили друг друга. Ежу понятно, что это означает в перспективе. Как заместитель Мрачного Жнеца Мор потерпел впечатляющее фиаско; вызванные им проблемы привели к колебаниям Реальности и к схватке со Смертью, каковую Мор проиграл...

... что по каким-то своим соображениям, Смерть пощадил его и отослал вместе с Изабель обратно в мир.

Никто не знает, отчего у Смерти возник личный интерес к людям, с которыми он так долго имел дело. Возможно, ему просто было любопытно. Даже самый успешный крысолов рано или поздно начинает интересоваться крысами. Он смотрит, как крысы живут и умирают, и фиксирует все детали крысиного существования, хотя, возможно, сам никогда так и не узнает, каково бежать по лабиринту.

Но если процесс наблюдения действительно меняет объект наблюдения¹, тем более оно преобразует и наблюдателя.

Мор и Изабель поженились.

У них родился ребёнок.

Ещё это история про секс, наркотики и Музыку, в Которой Звучит Рок.

Ну...

... одно из трёх — не так уж плохо.

Конечно, это всего лишь тридцать три процента, но, честное слово, бывает хуже.

Чем бы закончить?

Тёмная грозовая ночь. Карета, потерявшая лошадей, врывается в шаткую бесполезную ограду и, кувыркаясь, летит в пропасть. Не задев по пути ни единого уступа, она падает на пересохшее русло реки далеко вниз и разлетается на куски.

Госпожа Бац нервно поворошила бумаги.

Вот сочинение шестилетней девчонки:

¹ Из-за квантов.

«Что Мы Делали На Каниклах. Что Я Делала На каниклах. Я Гостила у дедушки у него большая Белая лошадь и сад это всё Чорное. Мы ели Ишницу с картошкой».

Фонарное масло воспламеняется, слышен второй взрыв, из огня выкатывается горящее колесо. Даже в трагедии есть свои условности.

Ещё один листок — рисунок, выполненный в семь лет. Сплошь чёрный.

Госпожа Бац фыркнула. Проблема состояла не в том, что у девчонки был только чёрный карандаш. Установленный факт: Щеботанский колледж для молодых девиц приобретал дорогие карандаши всех цветов.

А потом, когда угли перестают трещать и шипеть, наступает тишина.

И кто-то смотрит.

Он отворачивается и говорит кому-то в темноте:
— ДА. Я МОГ ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАТЬ.

И уезжает.

Госпожа Бац снова перелистала бумаги. Что-то её смущало и тревожило. Сходные чувства испытывали все, кому приходилось иметь дело с этой девчонкой. Бумага обычно успокаивала госпожу Бац. На неё можно было положиться.

Оставался ещё вопрос этого... несчастного случая.

Госпоже Бац и раньше доводилось сообщать плохие новости. Когда заправляешь большим пансионом, это почти неизбежно. У многих девчонок

родители часто уезжали за границу по делам. Иногда это были такие дела, в которых шанс разбогатеть идёт бок о бок с шансом повстречать неприятных людей.

Госпожа Бац знала, как вести себя в таких случаях. Это было болезненно, но процесс шёл своим чередом. Шок, слёзы... а потом в конце концов всё проходило. Люди умеют переживать горе. Это вроде как программа, встроенная в человеческое сознание. Жизнь продолжалась.

Но эта девочка просто сидела и молчала. И её *вежливость* пугала госпожу Бац до чёртиков. Она сохранила доброе сердце, даже несмотря на то что всю жизнь провела на иссушающей ниве образования; но госпожа Бац была добросовестна и всегда ратовала за порядок. Она полагала, что знает, как это бывает, и её смутно раздражало, что на сей раз было как-то по-другому.

— Э... если хочешь побыть одна, поплакать... — подсказала она, пытаясь направить происходящее в нужное русло.

— А это поможет? — поинтересовалась Сьюзен. Госпоже Бац помогло бы.

Директриса неуверенно спросила:

— Ты, э... точно поняла то, что я тебе сказала?

Ученица уставилась в потолок, как будто пыталась решить трудную задачку по алгебре, а затем произнесла:

— Я пойму.

Как будто она уже давно всё знала и каким-то образом с этим примирилась.

Госпожа Бац попросила учителей внимательно наблюдать за Сьюзен. Они отвечали, что это трудно, поскольку...

В дверь кабинета тихонько постучали. Так стучит человек, который предпочёл бы, чтобы его не услышали.

Госпожа Бац вернулась в настоящее.

— Войдите, — сказала она.

Дверь открылась.

Сьюзен всегда двигалась бесшумно. Все учителя это отмечали. Они утверждали, что это сверхъестественно. Она оказывалась прямо перед тобой, когда ты меньше всего этого ждал.

— А, Сьюзен, — сказала госпожа Бац, и на её лице мелькнула фальшивая улыбка, напоминавшая нервный тик на овечьей морде. — Присаживайся.

— Конечно, госпожа Бац.

Госпожа Бац переложила бумаги.

— Сьюзен?

— Да, госпожа Бац?

— Я с прискорбием вынуждена заметить, что, кажется, ты опять пропустила уроки.

— Не понимаю вас, госпожа Бац.

Директриса подалась вперёд. Она сама на себя досадовала... но эту воспитанницу было абсолютно невозможно любить. Сьюзен блистала на уроках, которые ей нравились... но и всё. Она блистала, как блестящий бриллиант — холодный и с острыми гранями.

— Ты снова проделывала... это? — спросила госпожа Бац. — Ты же обещала бросить эти глупости.

— Простите, госпожа Бац?

— Ты опять становилась невидимой?

Сьюзен покраснела. И госпожа Бац тоже, хотя и не так сильно. *Это просто нелепо*, подумала она. *Это противоречит здравому смыслу. О-о...*

Она отвернулась и закрыла глаза.

— Да, госпожа Бац? — спросила Сьюзен за мгновение до того, как госпожа Бац сказала:

— Сьюзен?

Госпожа Бац вздрогнула. Учителя упоминали ещё одну странность. Иногда Сьюзен отвечала на вопросы до того, как её успевали спросить.

Она собралась с духом.

— Ты ещё здесь?

— Конечно, госпожа Бац.

Нелено.

Ну какая там невидимость, сказала себе госпожа Бац. Просто она не привлекает к себе внимания. Девочка... которая...

Она сосредоточилась.

Госпожа Бац написала себе небольшую записку, именно на этот случай. Записка была приколота к папке.

Директриса прочитала: *«Ты беседуешь со Сьюзен Сто Гелитской. Постарайся не забывать об этом»*.

— Сьюзен? — произнесла она.

— Да, госпожа Бац?

Если госпожа Бац сосредотачивалась, то видела перед собой Сьюзен. Если она делала усилие, то слышала и голос девчонки. Просто приходилось постоянно бороться с желанием поверить, что она в кабинете одна.

— К сожалению, госпожа Препятс и госпожа Грегз жалуются, — произнесла директриса.

— Я всегда в классе, госпожа Бац.

— Не сомневаюсь. Госпожа Ренегатт и госпожа Штамп уверяют, что всегда тебя видят.

В учительской по этому поводу регулярно спорили.

— Это потому, что тебе нравятся логика и математика и не нравятся словесность и история?

Госпожа Бац сосредоточилась. Сьюзен никоим образом не могла покинуть комнату. Если бы она как следует напряглась, то уловила бы намёк на голос, который произнёс:

— Не знаю, госпожа Бац.

— Сьюзен, это очень досадно, когда...

Госпожа Бац замолчала. Она обвела глазами кабинет, затем взглянула на записку, приколотую к лежащей перед ней папке. Она прочла её и как будто удивилась, а потом скомкала бумажку и бросила в мусорную корзинку. Взяв перо, госпожа Бац несколько секунд смотрела в никуда, после чего занялась школьной бухгалтерией.

Сьюзен из вежливости подождала некоторое время, затем встала и тихонько вышла.

Одни события неизбежно случаются раньше других. Боги играют судьбами людей. Но сначала нужно выставить на доску все фигурки и полазать по углам в поисках кубика.

В маленькой гористой стране под названием Лламедос шёл дождь. В Лламедосе всегда шёл дождь. Дождь отсюда вывозили на экспорт. В Лламедосе были дождевые копи.

Бард Бесс сидел под кустом остролиста, больше по привычке, чем всерьёз надеясь не промокнуть. Вода капала сквозь колючие листья и струйками текла по веткам. Куст, в общем, только накапливал воду. Иногда Бессу на голову падали целые *комья* дождя.

Восемнадцатилетний, необыкновенно талантливый и в настоящее время не в ладах с жизнью.

Он настраивал арфу — прекрасную новенькую арфу — и смотрел на дождь. Слезы текли у него по лицу и смешивались с дождевыми каплями.

Боги таких *любят*.

Говорят: если боги хотят кого-нибудь погубить, сначала они лишают его разума. На самом деле если боги хотят кого-нибудь погубить, то вручают ему эквивалент палочки с дымящимся фитилём и надписью «Динамит». Это гораздо интереснее и занимает меньше времени.

Сьюзен брела по коридорам, пахнущим хлоркой. Её не особенно волновало, что подумает госпожа Бац. Сьюзен, как правило, вообще не волновало чужое мнение. Она понятия не имела, отчего люди забывали про неё, когда ей этого хотелось, и впоследствии слегка терялись, если об этом упомянуть.

Иногда учителя её как будто не видели. Сьюзен не возражала. Обычно она приносила на урок книгу и спокойно её читала, в то время как прочим приходилось иметь дело с Основными Статьями Клатчского Экспорта.

Арфа была, несомненно, хороша. Редкому мастеру удаётся создать настолько *правильную* вещь, что в неё просто невозможно внести усовершенствование. Тот, кто сделал эту арфу, даже не удосужился её украсить. Это было бы своего рода святотатством.

А ещё арфа была новенькая, что в Лламедосе случалось весьма нечасто. Арфы там, как правило, были старые. Не то чтобы они изнашивались. Иногда приходилось заменить раму, или гриф, или струны — но *арфа* как таковая продолжала жить.

Старые барды утверждали, что арфа с возрастом делается только лучше, хотя, конечно, старики говорят такие вещи вопреки повседневному личному опыту.

Бесс дёрнул струну. Нота повисла в воздухе и затихла. Арфа была новенькая, блестящая, но уже теперь звучала как колокольчик. Бесс даже не представлял, как она будет петь лет через сто.

Отец сказал, что это глупости, что будущее пишут камнями, а не нотами. Ссора с этого только началась.

Отец много чего наговорил, и *он* тоже, и внезапно мир сделался непривычным и неприятным, потому что сказанное нельзя отменить.

Бесс сказал:

— Ты ничего не понимаешь! Ты просто глупый старик! Музыка — это моя жизнь! Скоро настанет день, когда *все* скажут, что я — величайший в мире музыкант!

Глупые слова. Как будто барда волнует чьё-то мнение, кроме мнения других бардов, которые всю жизнь учатся слушать музыку.

Но тем не менее он это сказал. Если что-то сказать с достаточной страстью, а богам как раз нечем заняться, порой вселенная цепляется за такие слова. Слова, как известно, обладают способностью менять мир.

Будьте осторожны в своих желаниях. Никогда не знаешь, кто тебя слышит.

Или что.

Именно так. Нечто может плыть по мирам, и несколько слов, сказанных в подходящий момент не тем человеком, могут заставить это нечто сменить курс...

Далеко от Ламедоса, в шумном мегаполисе под названием Анк-Морпорк, по совершенно голой стене быстро пробежали искры и...

... и появился магазин. Старый музыкальный магазин. Никто не заметил, как он возник. Он как будто всегда там был.

Смерть сидел и смотрел в пустоту, подперев костлявый подбородок руками.

Альберт осторожно подошёл.

Когда Смерть предавался размышлениям — а теперь была именно такая минута, — он неизменно удивлялся, отчего его слуга всегда идёт по комнате одним и тем же путём. *ТО ЕСТЬ*, подумал Смерть, *УЧИТЫВАЯ РАЗМЕРЫ КОМНАТЫ...*

... поскольку комната тянулась бесконечно, ну или почти бесконечно — разницы в целом никакой. На самом деле она занимала примерно милю. Для комнаты многовато — но бесконечность-то вообще не охватить взглядом.

Смерть слегка перевозбудился, создавая этот дом. Он управлял временем и пространством, а не подчинялся им. Внутренние измерения оказались великоваты. Он забыл, что *снаружи* должно быть больше, чем *внутри*. То же вышло и с садом. Когда Смерть начал чуть больше интересоваться всем этим, он понял, что, по мнению людей, *цвет* играл определённую роль, например, в таких вещах, как розы. Но он сделал их чёрными. Смерть любил чёрный цвет. Чёрный идёт чему угодно. В конечном итоге он идёт всему.

Люди, которых Смерть знал — такие бывали, — как-то странно реагировали на невероятные размеры комнат. Они просто их игнорировали.

Взять, к примеру, Альберта. Большая дверь открылась, Альберт вошёл, осторожно балансируя чашкой на блюдечке...

... и в следующее мгновение стоял уже в комнате, на краю относительно небольшого ковра, окружавшего рабочий стол Смерти. Смерть уже перестал ломать голову над тем, каким образом Альберт преодолевал разделяющее их расстояние, когда вдруг до него дошло, что для слуги никакого разделяющего расстояния не существовало...

— Я принёс вам чай с ромашкой, сэр, — сказал Альберт.

— М-М-М?

— Сэр?

— ПРОСТИ. Я ЗАДУМАЛСЯ. ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?

— Чай с ромашкой.

— Я ДУМАЛ, ЭТО ТАКОЕ МЫЛО.

— Ромашку можно класть и в мыло, и в чай, сэр, — ответил Альберт.

Он забеспокоился. Он всегда беспокоился, когда Смерть начинал задумываться о разных вещах. Неподходящее у него было для этого занятие. И он всегда думал о них *не так*.

— КАК УДОБНО. ЧИСТО СНАРУЖИ И ВНУТРИ, — произнёс Смерть и снова подпёр руками подбородок.

— Сэр? — спустя некоторое время окликнул его Альберт.

— М-М-М?

— Чай остынет, если его не выпить.

— АЛЬБЕРТ...

— Да, сэр?

— Я ТУТ ПОДУМАЛ...

— Сэр?